

го аудита, методологию и процедуры внутреннего аудита, отчетность и обмен информацией, систему мотивации и развития персонала. При этом оцениваются как количественные, так и качественные показатели.

Основными показателями, характеризующими эффективность деятельности службы внутреннего аудита, должны являться:

- отсутствие превышения бюджета (сметы);
- регулярность проведения внутреннего аудита;
- соблюдение принципа независимости внутреннего аудита;
- мониторинг и контроль за устранением выявленных нарушений;
- экономический эффект от аудиторских проектов;
- профессиональное развитие сотрудников службы;
- оценка службы внутреннего аудита со стороны аудиторского комитета совета директоров (наблюдательного совета) и др.

Следует отметить, что приведенный перечень показателей является примерным и неисчерпывающим. При этом важно иметь в виду, что в случае с внутренним аудитом не бывает идеальных показателей – для любого показателя практически всегда найдутся существенные недостатки именно для целей оценки эффективности службы внутреннего аудита.

Реализация предложенных подходов оценки эффективности службы внутреннего аудита будет способствовать повышению ее эффективности и позволит выявить актуальные направления совершенствования ее организации.

Литература

1. Определение внутреннего аудита [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.iaa-ru.ru/inner_auditor/professional/ – Дата доступа: 02.10.2020 г.
2. Плахотя, Т.В. Актуальные вопросы организации эффективной службы внутреннего аудита [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.fundamental-research.ru/ru/article/view?id=34363> – Дата доступа: 02.10.2020 г.
3. Товсултанова, Л.Г. Служба внутреннего аудита и оценка эффективности ее деятельности [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://auditfin.com/fin/2016/4/fin_2016_41_rus_04_06.pdf – Дата доступа: 02.10.2020 г.

УДК 338.48

Кощев Д. А., преподаватель департамента менеджмента
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Пермь, Российская Федерация

К ВОПРОСУ О НЕГАТИВНОМ ВЛИЯНИИ ИНДУСТРИАЛЬНОГО КЛАСТЕРА НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНА

Широкое применение кластеризации как инструмента развития территорий в 2012–2020 гг. вошло в противоречие с данными эмпирических исследований, отразивших неоднозначность влияния индустриального кластера на показатели социально-экономического развития региона. Такое влияние могло принимать нейтральный или негативный характер [4].

Одной из ключевых причин возникновения подобного феномена явилась недостаточная изученность механизма интеракции региона и кластера, действие которого, в академической литературе рассматривается, в основном, с положительной стороны. В этих условиях лица, ответственные за реализацию экономической политики на региональном уровне, не обладают достаточной теоретико-методической базой, для своевременной идентификации и снижения интенсивности негативных влияний. Вследствие этого, успешные кластерные инициативы, сопоставимые по влиянию на региональные социально-экономические системы с Силиконовой долиной, Технологическим кластером г. Токио и г. Миннеаполис, в мире достаточно редки [12]. В этом исследовании поставлено две основные задачи. Первая – систематизация и структуризация теоретического пласта, отражающего эффекты, связанные с негативным воздействием индустриального кластера на региональную социально-экономическую систему. Вторая – разработка концептуальной модели, которая покажет причины и условия возникновения эффектов такого рода. Для решения поставленных задач предполагается использовать авторский системно-критериальный подход к теоретическому анализу [2, с. 452]. Применение описанной методики позволило сформировать основную выборочную совокупность, иллюстрирующую развитие кластерной теории (704 публикаций) и дополнительную выборку, включающую предпосылки рассматриваемой теории (86 публикаций).

Как показал теоретический анализ, целостное представление о том, что территориально-экономические структуры, встроенные в социально-экономическую систему региона могут иметь не только позитивное, но и негативное влияние на регион, начинают формироваться с 1990 г., с момента оформления и популяризации М.Портером кластерной теории в её современном виде. До этого накопление знаний о негативных эффектах имело несистемный характер, и было реализовано в рамках отдельных школ пространственной экономики.

Классическая школа в цикле исследований «Третьей Италии» отразила возможность перетока рабочей силы из менее благополучных районов, на территорию размещения кластера [5], что, в потенциале, ограничивает возможности равномерного социально-экономического развития региона.

Социально-географическая школа показала, что превышение концентрации предприятий на некоторой территории может привести к снижению положительных экстерналий, которые они извлекают из совместного размещения [16]. В этом случае вклад индустриальных агломераций в социально-экономическое развитие региона будет снижаться.

Институциональная школа, описав переходные формы между двумя основными механизмами координации деловой активности (структурой и рынком), отметила, что рост эффективности взаимодействия в рамках таких переходных форм, ведёт к росту барьеров входа на тех рынках, на которых они работают [17].

Советская школа, рассматривая территориально-производственные комплексы (ТПК) как искусственные, целенаправленно формируемые структуры, не сформировала в явном виде представлений о возможности их негативного действия на социально-экономическое развитие региона. Однако в исследованиях школы, отмечено, что ожидаемый эффект от ТПК будет достигнут только в случае правильного подбора включаемых в его состав производственных единиц [1]. Соответственно, нарушение принципов подбора ведёт к нерациональ-

ному расходованию бюджетных средств, при котором эффект от каждой денежной единицы потраченной на создание ТПК, будет, меньше, чем ожидалось.

Математико-статистическая школа, введя категорию «кластер» для описания пространственно-экономических структур [2], отразила способность индустриальных кластеров влиять на распределение трудовых ресурсов между отраслями. Это воздействие в зависимости от сложившихся социально-экономических условий и стратегии организаций входящих в кластер может иметь положительные или негативные последствия для региона [6].

В 1990 г. предложив новую концепцию индустриального кластера, ставшую, впоследствии, основой современной кластерной теории, М. Портер описал ряд ограничений для такого рода структур. В частности, он показал, что индустриальный кластер снижает гибкость предприятий и отраслей, включённых в его состав [11]. Данная особенность определяет рост восприимчивости экономики региона к внешним и внутренним шокам.

Вместе с тем, началом полноценной дискуссии о негативной стороне влияния индустриального кластера на регион, в рамках современной кластерной теории следует считать работу П. Кругмана «Geography and trade» [10]. В ней автор показал зависимость между развитием транспортного сектора и процессами комплексообразования в регионе, которые, в свою очередь, влияют на численность активного трудоспособного населения территории. Начиная с 1991 года, развивается концептуальная проработка негативной стороны воздействия кластера на регион. С 2012 г., эти концептуально-теоретические построения получают обширную эмпирическую базу, что стимулировало дополнительный рост интереса к этому вопросу. Как показал теоретический анализ, в современной академической литературе оформилось некое общее видение негативных эффектов индустриального кластера (таблица 1).

Таблица 1 – Основные эффекты, связанные с негативным влиянием индустриального кластера на социально-экономическое развитие региона

Эффект 1	Интерпретация 2
Эффект привязки	Стремление организаций членов - кластера опираться на давно устоявшиеся системы контрактов, что снижает гибкость регионального промышленного комплекса и увеличивает его восприимчивость к рискам изменения конъюнктуры рынка
Эффект уязвимостей специализации	Эффективная деятельность кластера способствует росту специализации предприятий включённых в его цепочку создания стоимости, их партнёров, и как следствие, региона в целом. Рост специализации формирует уязвимости, связанные с возможным изменением структуры спроса или рыночной модели поведения потребителей, конкурентов и поставщиков.
Эффект гиперконцентрации	Интенсивное всестороннее развитие территории кластера увеличивает концентрацию на ней организаций, рабочей силы и ресурсов. В среднесрочной перспективе рост концентрации производств снижает выживаемость предприятий, и обостряет риски внутрикластерной конкуренции (особенно для малых фирм). Высокая конкуренция между людьми может привести к росту безработицы и снижению уровня жизни.
Эффект блокировки	Сознательное выстраивание организациями – членами кластера барьеров входа и вытеснение конкурирующих производств из региона.
Синдром самодостаточности	Опора организаций на собственные устоявшиеся практики и прошлые истории успеха, что в среднесрочной перспективе определяет снижение инновационного потенциала территории.

Условия и причины возникновения описанных эффектов, характеризующих негативное влияние индустриального кластера удобно представить с использованием авторской модели, возводящей такое влияние к действию пяти факторов его внутренней среды (рисунок 1).

Рисунок 1 – Механизм влияния индустриального кластера на социально-экономическое развитие региона

Информационно-инновационный фактор отражает общее информационное поле, сформированное организациями кластера, которое способствует снижению транзакционных издержек и стимулирует приток инвестиций в регион, создавая дополнительные рабочие места. Вместе с тем, наличие развитого информационного поля, определяет желание организаций-членов кластера закрыть доступ к нему для новых фирм. Это ведёт к снижению выживаемости стартапов [14], а у самого кластера вызывает синдром самодостаточности. В итоге происходит снижение инновационного потенциала региона, которое ведёт к сокращению инвестиционных потоков и, в итоге снижению ВРП [13].

Технико-производственный фактор иллюстрирует общие технологии, которые выстраивают предприятия кластера в единую цепочку создания стоимости, поощряя рост специализации каждого звена. Это позволят достичь более высокого качества выпускаемой продукции и снизить для каждого предприятия кластера уровень неопределённости внешней среды. Однако этот процесс провоцирует эффект уязвимостей специализации, реализация которого, в своих крайних значениях, может спровоцировать начало экономического спада в регионе [8; 14; 4].

Экономико-управленческий фактор отражает координацию действий предприятий – членов кластера в русле общей стратегии. Это позволяет, с одной стороны, повысить устойчивость каждой производственной единицы и открыть им возможность к реализации крупных проектов, что привлекает в регион дополнительные инвестиции и формирует предпосылки для создания новых рабочих мест. С другой стороны, рост рыночной власти кластера провоцирует эффект блокировки, который, в среднесрочной перспективе, определяет снижение объёмов стоимости, созданных в регионе, снижение показателей занятости и уровня жизни на данной территории [7; 15].

Ресурсный фактор воспроизводит роль кластера как триггера появления в регионе специализированных ресурсных баз и поставщиков, что благоприятно сказывается на показателях занятости и ВРП. Вместе с тем, высокая ориентация на местных поставщиков и существующие контракты, снижает гибкость регионального промышленного комплекса, повышая его уязвимость перед макроэкономическими рисками [8; 14; 4].

Пространственно-логистический фактор отражает общую инфраструктуру и логистические схемы, которые используют производственные единицы кластера. Данный фактор стимулирует кластер инвестировать в развитие региональной инфраструктуры, что положительно сказывается на показателях уровня жизни, уровня занятости и ВРП. Вместе с тем, индустриальный кластер развивает инфраструктуру, прежде всего в своих границах (как правило, один или несколько муниципалитетов), что привлекает новых резидентов на эту территорию. Высокие темпы развития этих процессов формируют условия для возникновения эффекта гиперконцентрации и неравномерности развития территорий региона [9].

Социокультурный фактор фиксирует ассоциативную культуру кластера, которая снижает для его членов транзакционные издержки и увеличивает скорость обращения создаваемой добавленной стоимости, что положительно влияет на показатели ВРП. Вместе с тем, развитая ассоциативная культура поощряет преимущественно внутрикластерные взаимодействия, что, в среднесрочной перспективе, способствует возникновению синдрома самодостаточности и эффекта привязки [14; 3].

Таким образом, в данном исследовании были показаны основные негативные эффекты воздействия индустриального кластера на социально-экономическое развитие региона. Как показал анализ, основой их появления является замыкание кластера самого на себе вследствие отсутствия достаточных внешних стимулов для перманентного развития. В этой связи, основной мерой профилактики данных эффектов может стать стимулирование отраслевой конкуренции на территории региона, прежде всего, за счёт высокотехнологичных инновационных фирм.

Литература

1. Колосовский, Н.Н. Производственно-территориальное сочетание (комплекс) в советской экономической географии / Н.Н. Колосовский // Вопросы географии. – 1947. – №6. – С. 133–165.
2. Кошечев, Д.А. Феномен индустриального кластера: системно-агломерационный подход / Д.А. Кошечев, Е.А. Третьякова // Журнал экономической теории. – 2020. – №2(17). – С. 451–465.
3. Anderson, T. The Cluster Policies Whitebook / T. Anderson [et al]. – Malmö: International Organisation for Knowledge Economy and Enterprise Development (IKED), 2017. – 328 p.
4. Azhar, A. How to The Effects of Agglomeration on Socio-economic Outcomes: A District Level Panel Study of Punjab / A. Azhar, S. Adil // The Pakistan Development Review. – 2019. – №8(2). – P. 159–176.
5. Bagnasco, A. Società e politicanellearee di piccolaimpresa: Ilcaso di Bas-sano / A. Bagnasco, C. Trigilia. – Venice: ArsenaleEditrice, 1984. – 318 p.
6. Czamanski, S. Some Empirical Evidence of the Strengths of Linkages between Groups of Related Industries in Urban-Regional Complexes / S. Czamanski // Papers in Regional Science. – 1971. – №27(1). – P. 137–150.
7. Delgado, M. Clusters and entrepreneurship / M. Delgado, M.E. Porter, S. Stren // Journal of Economic Geography. – 2010. – №10. – P. 495–510.

8. Fornahl, D. The life cycle of clusters: A policy perspective / D. Fornahl, R. Hassink. – Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2017. – 328 p.
9. Fujita, M. Does geographical agglomeration foster economic growth? And who gains and loses from it? / M. Fujita, J.F. Thisse // The Japanese Economic Review. – 2019. – №54(2). – P. 121–145.
10. Krugman, P.R. Geography and trade / P.R. Krugman. – London: MIT press, 1991. – 142 p.
11. Porter, M.E. The Competitive Advantage of Nations / M.E. Porter. – New York: Rugman Reviews, 1990. – 855 p.
12. Saadatyar, F.C. Industrial clusters in the developing economies: Insights from the Iranian carpet industry / F.S. Saadatyar [et al] // Strategic Change. – 2020. – №29(2). – P. 227–239.
13. Slaper, T.F. Industry clusters and regional economic performance: A study across US metropolitan statistical areas / T.F. Slaper [et al] // Economic Development Quarterly. – 2018. – № 32(1). – P. 44–59.
14. Stojčić, N. Do firms in clusters perform better? Lessons from wood-processing industries in new EU member states / N. Stojčić [et al] // Forest Policy and Economics. – 2019. – N 109. – P. 1–10.
15. Vanthillo, T. Understanding evolution in the Antwerp chemical cluster: the role of regional development strategies / T. Vanthillo [et al] // European Planning Studies. – 2018. – № 26(8). – P. 1519–1536.
16. Weber, A. Theory of the Location of Industries / A. Weber. – Chicago: University of Chicago Press, 1990. – 855 p.
17. Williamson, O.E. The mechanisms of governance / O.E. Williamson. – Oxford: Oxford University Press, 1996. – 448 p.

УДК 330:630.9

Лысюк Р.Н., старший преподаватель
УО «Брестский государственный технический университет»,
г. Брест, Республика Беларусь

ОРГАНИЗАЦИЯ РАЦИОНАЛЬНОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ЛЕСНОГО КОМПЛЕКСА

Лесные ресурсы являются одним из возобновляемых видов ресурсов биосферы многоцелевого использования, выполняющих ряд экологических и экономических функций. Данный вид ресурсов оказывает существенное воздействие на социально-экономическое развитие таких отраслей народного хозяйства как промышленность, топливно-энергетический комплекс, строительство.

В соответствии с Лесным кодексом Республики Беларусь под лесными ресурсами понимают древесно-кустарниковую и иную растительность, произрастающую в границах лесного фонда, и (или) ее части, а также средообразующие, водоохранные, защитные, санитарно-гигиенические, рекреационные и иные полезные свойства лесов, которые используются или могут быть использованы при осуществлении хозяйственной или иной деятельности [1, с. 4]. Лесной комплекс как элемент структуры национальной экономики существует в ряде стран постсоветского пространства и, как правило, включает в себя лесное хозяйство и лесопромышленные отрасли по заготовке и переработке древесины. Следовательно, лесной комплекс объединяет отрасли и производства, выполняющие функции как воспроизводства, охраны, защиты лесов, так и заготовки, механической, химико-механической и химической переработки древесного сырья и отходов.